

КУЛЬТУРА ПО МИРОВОМУ СЧЕТУ

Культура. — 1993. — 17 апр. — Сед.
«Американский»

Рахманинов

После своего концертного турне по Америке в 1909 году Рахманинов мог бы жить припеваючи в этой стране до конца своих дней, но сама подобная мысль была в то время нелепостью. Россия была одним из мировых центров культуры, а США — провинцией, причем помешанной на бизнесе, как отмечал Рахманинов с отвращением. Но в 1918 году его отношение изменилось.

Дворянин и по линии отца, чей род прослеживался до Ивана III, и по линии матери, дочери генерала, Рахманинов ощутил крушение своего мира еще летом 17-го и уже тогда попытался «выбраться», но осуществить эту попытку ему удалось лишь в конце года. На Западе он оказался гол как сокол в возрасте сорока четырех лет, с семьей. Куда? В Америку!

27 апреля 1919 года он исполнил на бис свой Прелюд до-диез минор, уже хорошо известный ценителям музыки на Западе. («Прелюд! Прелюд!» — требовала публика). Это сочинение было куплено за миллион долларов США «образца» 19-го года, то есть добрых десять миллионов нынешних.

Собственно говоря, на этом Рахманинов мог бы остановиться и жить безбедно на проценты со своего миллиона, сочиняя музыку. Но он вел концертную деятельность в США и Европе вплоть до войны и в США вплоть до своей смерти. Во-первых, исполнительская деятельность сама по себе стала его новой страстью. Во-вторых, и в России был у него период — целых три года, когда он ничего не писал и считал, что не будет писать музыку никогда. В-третьих, он жил не как эмигрантская богема, а как русский барин (например, шил костюмы у лучшего лондонского портного). В-четвертых, есть нечто приятное в том, что публика не только вся (in corpore, как он говорил) поднимается с места, аплодируя его игре, но и платит 40 тысяч долларов за концерт. А в-пятых, деньги никогда не бывают лишними и могут храниться впрок.

Но все-таки в эмиграции он написал шесть произведений, включая Четвертый концерт, Третью симфонию и, конечно, Рапсодию на тему Паганини, которая одно время ценилась на Западе не менее Второго концерта. А в общем и целом, каково его место в музыке в западном восприятии? Задавая подобным вопросом, я в первую очередь всегда открываю двадцатитомный англо-американский «Словарь музыки и музыкантов» Гроуа последнего издания. Рахманинову уделено девять страниц. Для сравнения: американский композитор, дирижер и пианист Леонард Бернстайн получил одну страницу, Прокофьев — четырнадцать, а Бетховен, которого согласно Марку Алданову Рахманинов ставил выше всех композиторов, — пятьдесят девять.

Почему же Рахманинову заплатили миллион долларов за Прелюд, а Прокофьева выжили из Америки? Критики в 1918 году пребывали в убеждении, что все это — «большевизм» в культуре. Рахманинов же по сравнению со Скрябиным и ныне забытым Ребиковым считался в России «консерватором» и даже «реакционером». И его Второй концерт и Прелюд получили признание за много лет до его появления в США. А Прокофьев был для американцев никому не известным молодым большевиком, который бьет по клавишам рояля, уничтожая музыку.

В 1946 году в Нью-Йорке вышел сборник воспоминаний о Рахманинове людей из его ближайшего окружения. Книга эта, изданная на русском языке, никогда не переводилась. Когда я читал ее года два назад, пожелтевшие страницы рассыпались у меня в руках. Из этих нью-йоркских воспоминаний мы узнаем, что Рахманинов жил, подобно всем русским эмигрантам той волны, как бы во временной крошечной России, которая была призвана существовать, пока продолжается недоразумение в той, большой России. Его окружали русские, русская речь, русская культура. А во внешнем мире жили иностранцы, которым он давал концерты и которые считали его одним из величайших пианистов в истории. Впрочем, что значила для него эта слава? Ему не было двадцати лет, когда в тесном московском кругу самых взыскательных ценителей музыки его считали «новым Моцартом».

К Америке он потеплел. Когда Михаил Чехов сказал ему, что молодые американки кажутся ему совсем некрасивыми и часто даже злыми, Рахманинов улыбнулся: «А вы лучше присмотритесь».

Когда он умирал, он посмотрел на свои руки. Эти руки немало потрудились, как, впрочем, и его гениальная голова, создавшая Второй концерт. «Прощайте, мои дорогие бедные руки», — сказал он.

Лев НАВРОЗОВ.

НЬЮ-ИОРК.